

6. Стедингъ. Баронъ, въ послѣдствіи графъ, Стедингъ, шведскій посланникъ при русскомъ дворѣ, род. 1746, умеръ 1837. Какъ приверженецъ правительства Густава III и покровитель Армфельда (помогалъ его женѣ въ Россіи), не пользовался довѣріемъ регента. Былъ просвѣщенный дипломатъ и пользовался уваженіемъ и любовью всѣхъ, кто его зналъ. Екатерина II писала Потемкину о немъ: «Стединга я ласкаю весьма и онъ человекъ изрядный»¹⁾. Его мемуары напечатаны, 1873, въ Парижѣ.

7. Графъ Стенбокъ. Оберъ-камеръ-юнкеръ шведскаго двора. Современные мемуары описываютъ его какъ молодого человѣка съ прекрасными манерами, образовавшагося въ школѣ Густава III. Графъ Стенбокъ былъ честный человекъ, но ему недоставало опытности и способностей, необходимыхъ для успѣха возложенныхъ на него порученій. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1793 г., какъ будто для принесенія поздравленія регента по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича, но настоящая цѣль его миссіи состояла въ исходатайствованіи у русскаго двора обѣщанныхъ субсидій, и преимущественно въ началѣ переговоровъ о бракѣ Густава IV съ великою княжною Александрою Павловною. Екатерина II оказывала Стенбоку большое вниманіе, и однажды, пригласивъ его въ армітажномъ спектаклѣ занять мѣсто подлѣ себя, сама заговорила о брачномъ проектѣ.

Сообщ. А. А. Чумиковъ.

КЪ ИСТОРИИ ТЮРЕМЪ И ОСЫЛКИ ВЪ РОССИИ

1805—1820 гг.

II²⁾.

Monseigneur! La pitié, que tous les hommes ont naturellement pour les malheureux détenus dans les prisons, m'a inspiré le desir d'étudier l'esprit et l'administration des differents établissements de police correctionnelle. Pénétré des principes Beccaria, de Caleb Lownes et particulièrement de ceux de l'ami de l'humanité Howard, j'ai visité plusieurs prisons en Amerique et en Angleterre, et j'ai cherché d'en connaître les reglements relatifs à leur surveillance et à leur economie. Il me sera assurément difficile d'ajouter quelque chose de nouveau aux informations exactes et spéciales que Votre Excellence possède déjà sur cette matière, cependant comme la différence dans la manière d'envisager les mêmes objets donne souvent lieu à de nouvelles inductions, j'ai mis sur papier mes remarques à la suite de l'examen personnel des prisons

¹⁾ «Р. Архивъ» 1876, XII, стр. 641.

²⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 357—360.

d'Amerique, qui peuvent servir à juste titre de modèle à toutes les autres. Je me croirai très heureux, Monseigneur, si parmi les détails que j'ai eu occasion d'apprendre sur les lieux, il y en aurait qui peuvent meriter l'attention de Votre Excellence. Je suis etc. Andre de Daschkoff.

le 17 Octobre 1819.

ЗАМѢЧАНІЯ ДАШКОВА, ИМѢЮЩІЯ СЛУЖИТЬ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ КЪ ЗАПИСКАМЪ О
УСТРОЕНІИ И ВНУТРЕННЕМЪ УПРАВЛЕНІИ ТЮРЕМЪ.

1819 г.

Во всѣхъ образованныхъ государствахъ, какого бы роду ни было ихъ правленіе, отнятіе отъ частнаго лица свободы задержаніемъ подъ стражею или заключеніемъ въ тюрьму почитается зломъ неизбѣжнымъ, и право на оное основано на самой необходимости.

Нигдѣ личная свобода не ограждена такъ твердо письменнымъ закономъ какъ въ Англіи. Въ Магна-хартѣ, на которой основаны права англійскаго народа, изображено, что никто изъ гражданъ не долженъ быть задержанъ или посаженъ въ тюрьму, иначе какъ вслѣдствіе учиненнаго приговора отъ его равныхъ или въ силу существующихъ законовъ.

Когда преступленіе доказано и преслѣдуемый осужденъ законнымъ образомъ, тюрьма опредѣляется ему, иногда въ полное наказаніе, а иногда составляетъ только часть онаго; и таковое отнятіе свободы, очевидно, основано на сущей справедливости, потому что преступникъ обличенъ и заключеніе учинено по судебному приговору.

Не смотря на сіе, англійскій законъ нашелъ за необходимое отойти нѣсколько отъ строгихъ правилъ справедливости, не иначе дозволяющей наложить руку на свободу частнаго человѣка, какъ по совершеніи суда и по осужденіи преступника. Охранность цѣлаго общества потребовала, чтобы нѣкоторыя лица изъ обвиняемыхъ были на время задержаны до рѣшенія суда. Ихъ обвиняють въ преступленіи: они могутъ быть невинны; равно быть можетъ, что ихъ преслѣдуютъ справедливо. Отъ сей неизвѣстности рождается необходимость задержать ихъ подъ стражею до того времени, какъ судъ разберетъ ихъ дѣло; не менѣе того, пока не доказано будетъ о ихъ преступленіи, законъ полагаетъ ихъ невинными.

Изъ сего слѣдуетъ, что отсылаются они въ тюрьму не съ намѣреніемъ наказанія, а какъ единственный способъ увѣриться, что преслѣдуемый явится предъ судомъ, когда потребно будетъ.

Со всѣмъ тѣмъ, такъ было противно англійскимъ законодателямъ лишить свободы предварительно обличенію, что они дозволили отпустить на волю захваченнаго преступника, если дать за себя порукъ, что явится къ суду (исключая однако же случаевъ уголовныхъ, ибо никакое поручительство не удержитъ таковаго отъ побѣга, которому слѣдовать будетъ лишиться имѣнія и живота, буде найдется виновнымъ), и сверхъ того наложили они важную пеню на судью, который откажетъ принять поручительство, закономъ допускаемое. Лордъ Бокъ, одинъ изъ англійскихъ законоискусниковъ, утверждаетъ, что весьма противно закону держать преслѣдуемаго въ заключеніи долгое время въ ожиданіи суда.

Послѣ сего, кажется, трудно представить себѣ, чтобъ англійскіе законодатели, столько чувствительные къ отнятію свободы у преслѣдуемыхъ, но еще не осужденныхъ лицъ, не принимали никакого участія въ ихъ судьбѣ, когда безопасность общества поставила въ необходимость ихъ заключеніе; однако же состояніе большей части англійскихъ тюремъ заставляетъ предполагать, при самыхъ справедливыхъ учрежденіяхъ, недостатокъ человѣколюбиваго состраданія къ злополучіямъ ближнихъ.

Законы могутъ удовлетворить нашъ умъ въ своей справедливости; но въ безчисленности и разнообразіи случаевъ и образованія человѣка измѣняютъ они правосудію, если не выполняются съ духомъ человѣколюбія, если цѣль ихъ не опирается на религію, если христіанское взаимное благоволеніе не будетъ постояннымъ зеркаломъ строгаго судіи.

И въ языческія времена начертаны были мудрые законы, однакоже невинный не избѣгалъ жестокостей. Чувство всеобщей любви скрыто еще было облакомъ. Благодать новаго завѣта не разсѣяла еще мрака грѣховнаго. Умъ ихъ, такъ сказать, былъ мертвъ, ибо не былъ одушевленъ словомъ Божиимъ.

Съ распространеніемъ христіанства возростало и частное благо. Самые строгіе законы одѣлись ризою милосердія. Началось образованіе государствъ. Царства перестали исчезать отъ насильственныхъ вторженій. Права и должности объяснились. Правосудіе съ человѣколюбіемъ соединили свои длани.

Се источникъ человѣколюбивыхъ и благотворительныхъ подвиговъ. Отсель христіанинъ Гоувардъ (Howard) наполнялся ревностію къ облегченію участи заключенныхъ; отсель почерпаетъ квакерская секта то усердіе, съ каковымъ стремится ко всѣмъ благодѣтельнымъ предпріятіямъ. Изъ сего неисчерпаемаго источника возникли библейскія, миролюбивыя, тюремныя общества, сиротскія, воспитательныя,

госпитальныя заведенія: въ нашемъ любезномъ отечествѣ мы повсюду видимъ благословенное вліяніе сего человѣколюбиваго духа.

Обратимся къ недостатку вниманія, въ самыхъ образованныхъ и просвѣщенныхъ земляхъ къ участи содержащихся въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда. Даже филадельфійскую тюрьму, которая, по справедливости, можетъ служить примѣромъ цѣлому свѣту, не оставлю безъ упрека въ семь отношеніи. Убійца, тать, захваченный въ дракѣ, невинно оклеветанной, дряхлый старецъ и легкомысленный юноша заключены въ одномъ отдѣленіи. Разсудокъ и справедливость гласно увѣщиваютъ насъ содержать заключеннаго изъ единой предосторожности, по крайней мѣрѣ, съ снисхожденіемъ, и учинить его заточеніе столько сноснымъ, сколько дозволяетъ обезопасеніе противу его побѣга.

Пусть законы будутъ такъ строги, какъ Драконовы, только чтобы основаны были на правилахъ справедливости. Но чѣмъ оправдать жестокою строгостью противу тѣхъ, коихъ подозрѣваютъ. Напрасно мнать, что такая система можетъ застраховать къ безпорочности. Убѣгая преступленія, можно избѣжать законной строгости. Но лъзя-ли предостеречься отъ клеветы? Заставить же сносить вѣщее удрученіе чѣмъ самое лишеніе свободы—не то же ли, что начать наказаніе, прежде нежели доказано преступленіе?

Есть другой разрядъ людей, у которыхъ по закону отнимается свобода, а именно у тѣхъ, которые не выполняютъ долговыхъ своихъ обязательствъ. Долги часто рождаются отъ нерадѣнія, отъ безразсудныхъ торговыхъ спекуляцій, отъ мотовства и пр., но также случается, что должникъ сдѣлался не въ состояніи удовлетворить своихъ займодавцевъ по напущенію, свыше опредѣленному. Онъ могъ пострадать отъ болѣзни, отъ злополучнаго приключенія, либо обмануться въ самыхъ основательныхъ предпріятіяхъ. Многочисленное и безпомощное въ его промыслѣ, семейство могло изнурить его. Капиталь, ему довѣренный, могъ учиниться жертвою огня или воды. Человѣческое предвзвѣденіе не всегда успѣваетъ оградить себя отъ несчастій, ниже трудолюбіе исправить причиненный вредъ. И такъ, согласимся, что между должниками находятся и такіе, которые заслуживаютъ нашего сожалѣнія. Не смотря на сіе, находимъ мы, что въ Лондонѣ избранный комитетъ алдермановъ для осмотра тюремъ въ рапортѣ своемъ предлагаетъ, что не слѣдуетъ доводить снисхожденіе къ заключеннымъ до такой степени, чтобы тюрьма сама по себѣ переставала служить въ наказаніе. «Тогда было бы справедливо упрекать насъ въ жестокости,—говорятъ они,—къ тѣмъ трудолюбивымъ и раззореннымъ кредиторамъ, изъ коихъ многіе добываютъ

насущенный хлѣбъ, работая отъ зари до зари, если бы мы распростра-нили сожалѣніе къ должникамъ до того, что тюремное ихъ продо-вольствіе превосходило бы нужное содержаніе тѣхъ семействъ, ко-торыхъ они обольстили обманчивою наружностію къ учиненію имъ довѣрія, а потомъ раззорили своею праздностію и расточеніемъ».

Сіе самое разсужденіе опровергаетъ положеніе, чтобы неплатежъ заключенныхъ должниковъ неминуемо былъ слѣдствіемъ обмана и злонамѣренія; ибо тѣ самыя, которые, по алдерманскимъ словамъ, работаютъ отъ зари до зари для дневнаго своего пропитанія и раззорены бывають отъ туеядцевъ и расточителей, подвергаются тому же тюремному наказанію, когда не въ состояніи удовлетворить соб-ственныхъ кредиторовъ. Такимъ образомъ предметъ ихъ жалости дѣ-ляется жертвою ихъ умствованія. Наказать ихъ вслѣдствіе общаго правила, что тюрьма должна быть всегда наказующимъ средствомъ, было бы то же самое, что наложить на человѣка, постигнутаго не-счастіемъ, тѣ же оковы, каковыя заслуживаетъ преступникъ.

Въ Англіи законъ предписываетъ за долги тюремное заключеніе. Въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ должникъ не долѣе си-дѣть въ тюрьмѣ, пока долгъ заплатитъ, или выдастъ все свое иму-щество въ руки своихъ заимодавцевъ, и присягнуть, что ничего не утаилъ.

Мы теперь не станемъ разбирать достоинство обѣихъ системъ, а замѣтимъ только, что англійскій законъ не почитается челоуѣколю-бивымъ. О такомъ признаніи мы можемъ увѣриться изъ различныхъ и почасту противорѣчащихъ распоряженій, къ коимъ законодатель-ная власть прибѣгаетъ для облегченія законной строгости. Но хотя тюрьма и опредѣляется закономъ за неплатежъ долговъ, не слѣдуетъ прилагать къ тому другихъ жестокостей. Никакая суровость, сверхъ задержанія въ тюремныхъ стѣнахъ, закономъ не оправдывается. То же слѣдуетъ сказать въ защиту преслѣдуемыхъ преступниковъ, но еще не обличенныхъ. Всякая несправедливость противу заключенныхъ сихъ родовъ тѣмъ жесточе, что они уже угнетены злополучіемъ и скрыты отъ сострадательнаго взора челоуѣколюбивыхъ.

Правда, что суровость противу обличеннаго преступника не столько насъ поражаетъ, потому что мы готовы принять ее съ перваго взгля-ду, какъ составляющую часть наказанія. Но законъ сего не пред-полагалъ. Закономъ назначается только родъ наказанія. Судья опре-дѣляетъ мѣру онаго, смотря по увеличенію преступления, а ничего иного. Соединеніемъ же его заключенія съ обстоятельствами, кото-рыя удручаютъ въ большей степени, чѣмъ самое лишеніе свободы, строгость закона дѣляется чрезмѣрною, ибо прилагаются наказанія,

которыхъ не находится въ приговорѣ. Если же въ нѣкоторыхъ уголовныхъ преступленіяхъ законъ и осуждаетъ виновнаго на хлѣбъ и на воду или налагаетъ оковы и пр., то сіе утверждаетъ, что несправедливо поступать съ тою же строгостію, когда о ней умалчивается.

Еще одно слово для тѣхъ, которые настоятъ въ томъ, что тюрьма должна служить не единымъ заточеніемъ, а быть жилищемъ нужды и страданія, и потомъ пусть разрѣшаютъ они противорѣчія, рождающіяся отъ ихъ системы.

Положимъ, что въ тюрьмѣ слѣдуетъ терпѣть всякую нужду; не менѣе справедливо, что она должна быть соразмѣрна преступленію, ибо нельзя допустить, чтобы правосудіе опредѣляло то же наказаніе для разныхъ степеней преступленій. Но какимъ образомъ можно соблюсти сіе различіе въ большей части тюремъ, которыя такъ построены, что нельзя отдѣлить преслѣдуемаго въ судѣ отъ осужденнаго, преступника отъ должника, безумнаго и больнаго отъ здороваго? Если по сей причинѣ невозможно содержать въ разныхъ отдѣленіяхъ имѣющихъ, въ существѣ преступленій своихъ, такіе чувствительные оттѣнки, какимъ образомъ облегчить и увеличить наказаніе тюрьмою, смотря по разнымъ обстоятельствамъ, къ каждому лицу принадлежащимъ? Потребно было бы столько различій, сколько есть преступленій, столько камеръ, сколько заключенныхъ. И кто опредѣлитъ степень тюремнаго удрученія. Судья не знаетъ о внутреннемъ устройствѣ каждой тюрьмы, а тюремщикъ о томъ, что происходило при судопроизводствѣ. Законъ можетъ удобно принаровить наказаніе, смотря по случаямъ: одного приговариваетъ на заключеніе на одинъ день, другаго на двадцать лѣтъ; но какую разборчивость имѣть должно, и кому довѣрить, чтобы усугублять или уменьшать тюремное зло въ соразмѣрность съ различными обстоятельствами, преступленіе сопровождавшими? Но какъ никто не станетъ оспаривать, что въ тюрьмахъ заключенные не отличались бы въ преступленіяхъ своихъ различными и противоположными степенями, то, согласясь на общее правило жестокости, мы неминуемо осудимъ сравнительно невнимнаго на то же страданіе, какое заслуживаетъ злодѣй, и тѣмъ помрачимъ всякое понятіе о правосудіи. Заключимъ изъ всего вышесказаннаго, что несправедливо чинить наказаннымъ единственно тюрьмою какого либо прибавочнаго удрученія. Хотя и нельзя принаровить ихъ состояніе въ тюрьмѣ къ прежнимъ ихъ обстоятельствамъ, однако же справедливыми и великодушными правилами можно предупредить гласныя жестокости, и если окажется ошибка въ соразмѣрности наказанія съ преступленіемъ, то она бу-

детъ съ той стороны, съ коею желательно, чтобы всѣ ошибались—со стороны челоуѣколюбія.

И такъ, послѣдуемъ по стопамъ захваченнаго подъ стражу и отсылаемаго въ тюрьму, не забывая ни на часъ, что его преступленіе еще не доказано. Ради какой пользы поведемъ мы его скованнаго и провожая посреди дня чрезъ цѣлый городъ, учинимъ его постыднымъ зрѣлищемъ для народа, можетъ быть, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ несъ до того честное имя? Безславіе должно быть наказаніемъ за преступленіе, а не слѣдствіемъ одного подозрѣнія. Вслѣдствіе сего отведемъ его въ тюрьму, при наступленіи ночи, съ благопрістойностію, безъ огласки, не уязвляя его чувствительности, которую отрицать мы не имѣемъ права. Какъ скоро вступить онъ въ тюремныя стѣны, ради чего налагать на него цѣпи, отяготить члены его тяжестью оныхъ, и привести въ отчаяніе отъ сихъ жестокоостей, унижающихъ достоинство челоуѣческое.

Блакстонъ говоритъ, что законъ не дозволяетъ тюремщикамъ налагать оковы, кромѣ случаевъ неповиновенія или покушенія къ побѣгу. А первый судья (chief Justice) лордъ Кингъ на представленіе городской думы о необходимости употреблять въ тюрьмахъ оковы, для предупрежденія побѣговъ, далъ слѣдующій отвѣтъ: «Вы защищаете собственное ваше нерадѣніе; выстройте выше тюремныя стѣны вапши, и въ цѣпяхъ не будетъ нужды».

Не должно лишитъ сидящаго въ тюрьмѣ чистаго воздуха, здоровой и достаточной пищи и способовъ къ нужному движенію его членовъ. Не должно запретить ему добывать своею работою дневное пропитаніе для оставленнаго безъ помощи его семейства, если только производить оную въ тюрьмѣ возможно. Не должно ему страдать по ночамъ отъ холода за неимѣніемъ на чемъ лечь, ни чѣмъ покрытись, или днемъ въ нетопленномъ покоѣ. Не должно приучить его къ праздности, ниже вперить въ него склонность къ порокамъ, помѣстивъ его среди самыхъ негодныхъ людей. Не должно разстроить его здоровья, заключивъ въ сырые и непровѣтренные погреба, или съ такою толпою, что воздухъ становится заразителенъ, либо заставляя спать на одной постелѣ съ одержанными всякаго рода болящими, или въ страдѣ и нечистотѣ.

Однимъ словомъ, заключенный въ ожиданіи суда имѣетъ право на вниманіе къ моральнымъ и тѣлеснымъ его чувствамъ, на снабженіе необходимостями жизни, на удаленіе отъ порочнаго сообщества и на уваженіе его здоровья и нравственности. Право очевидно и неоспоримое.

Слѣдуетъ привести его къ суду безъ отлагательства, ибо каждый

часть отсрочки случая доказать свою невинность можетъ почестся столькимъ временемъ несправедливаго заключенія.

Если судъ оправдаетъ его, строгая справедливость требовала бы, въ удовлетвореніе тюремнаго его заключенія, по крайней мѣрѣ заплатить издержки беспомощнаго его семейства, во время сидѣнія его въ тюрьмѣ, и собственное его содержаніе пока найдетъ онъ работу. Исполненіе сего отчасти возможно. Но если судъ обвинить его, тогда слѣдуетъ выполнить въ точности законное наказаніе, однако же не увеличивая оного, ниже употребляя какой-либо жестокости, которой не находится въ сентенціи; ибо гдѣ видѣли мы, чтобы судья приговорилъ уморить съ холоду или удушить отъ жару? Могъ-ли онъ дать приговоръ къ простудѣ или горячкѣ? Равно и растлѣніе правовъ не можетъ числиться между законными наказаніями. Не можетъ располагать наказующій судья болѣзнію, голодомъ, стужей, наготою, заразительнымъ воздухомъ, и какое бы важное преступленіе ни было, ему воспрещается приговорить на голодную смерть или на отравленіе ядомъ.

Посему мы видимъ, что и осужденный преступникъ имѣетъ свои права. Всякій бесполезный вредъ, учиненный ему въ тюрьмѣ, противенъ закону, потому что не сказано объ ономъ въ приговорѣ, и, слѣдственно, не должно лишить его здоровья, одежды или необходимой пищи.

Но кромѣ обязанностей законодательной власти къ человѣчеству, общество имѣетъ свои права, относительно къ содержанію заключенныхъ. Для него важно, чтобы выпущенный на волю изъ тюремныхъ стѣнъ превратился менѣе опаснымъ, нежели какъ онъ былъ признанъ при посаженіи въ тюрьму. Самое заключеніе его опредѣлено было ради общественной безопасности. Слѣдственно, доброе управленіе тюремъ требуетъ, чтобы заключенные выходили изъ нихъ менѣе порочными и болѣе трудолюбивыми, однимъ словомъ—исправленными сколько можно отъ злыхъ привычекъ.

И такъ, справедливо стараться о исправленіи посаженнаго въ тюрьму въ удовлетвореніе за его страданіе; такимъ образомъ неосновательное подозрѣніе послужитъ по крайней мѣрѣ къ предупрежденію преступленій на будущее время. Посредствомъ внушенія добрыхъ правилъ и привычекъ вознаградится причиненный ему вредъ, и хотя воспрещено было ему на время располагать своею свободою, можно однако же надѣяться, что онъ проведетъ слѣдующіе дни своей жизни съ большею честностію.

О исправленіи должника общественная польза предписываетъ также стараться, потому что, сверхъ болѣзней и несчастій, праздность и

неумѣренность большею частью бываютъ причиною долговъ и рождаютъ слѣдствія для общества еще опаснѣйшія, чѣмъ самый неплатежъ. Для предупрежденія сего должно избрать такія мѣры, которыя служатъ ко внушенію трудолюбія и приучаютъ къ умѣренности. Самый тотъ тюремный житель, котораго судъ призналъ преступникомъ, не долженъ остаться безъ вниманія. Гражданскіе законы въ строгомъ ихъ смыслѣ не причастны къ системѣ кроваваго мщенія. Они не полагаютъ, что одно зло можетъ вознаградить другое зло. Просвѣщенная и челоуѣколюбивая юриспруденція, подобно Творцу всего, что милосердно и премудро, не веселится о смерти грѣшника, но желаетъ, чтобы онъ отъ зла обратился и продолжалъ жить. Наказаніе постановлено для предупрежденія преступленій, а преступления предупреждаются исправленіемъ преступника. Заключенный, будучи отдѣленъ отъ прочихъ сообщниковъ, перестаетъ мыслить какъ они мыслятъ. Онъ имѣетъ время придти въ себя и раскаяніе. Заключение по одиночкѣ усмиряетъ самаго дерзкаго, и часто исправляетъ самаго распутнаго. Для сего онъ долженъ спать и проводить большую часть дня совершенно одинъ.

Но какъ уже мы сказали, что праздность есть путь къ преступленіямъ, трудъ есть средство къ исправленію отъ пороковъ. Должно доставить заключеннымъ постоянное упражненіе, и, чтобы приохотить ихъ къ работѣ, полезно удѣлять имъ часть трудовъ приобрѣтеннаго.

Спиртные напитки почасту рождаютъ преступленія, и почти всегда сопровождаютъ оныя. Таковыя должно вовсе запретить.

Невъѣжество производитъ подобныя слѣдствія. Противу оныхъ обученіе грамотѣ, чтеніе правоучительныхъ книгъ и изустныя наставленія считаются лучшими предостерегательными средствами.

Но самый опаснѣйшій источникъ пороковъ и преступленій есть невѣдѣніе слова Божія и небреженіе христіанскихъ должностей. Частое посѣщеніе тюремъ духовными и благочестивыми особами, чтеніе заключеннымъ Библии и молитвъ и преподаваніе христіанскихъ наставленій—будутъ надежнѣйшимъ средствомъ къ обращенію сихъ заблудившихся чадъ на путь истины, и для учиненія безвреднымъ ихъ возвращеніе въ ихъ семейства и въ кругъ общественный, которому они принадлежать.

1819 г.

А н д р е й Д а ш к о в ъ .

ПРИМѢЧАНІЯ.

Многія положенія автора изложенной записки—новыя, прогрессивныя шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, успѣли сдѣлаться въ наше время азбучными истинами, общими мѣстами обширной литературы тюремовѣдѣнія и уголовного права. Записка Дашкова, не смотря на то, что писана шестьдесятъ лѣтъ

тому назадъ, сохранила многиѣ печать современности и можетъ быть прочтена не безъ пользы въ наше время, въ особенности тѣмъ, отъ кого зависитъ судьба заключенныхъ въ Россіи.

Записка Дашкова представляетъ, собственно, интересъ по времени и обстоятельству ея появленія. Она подана была тогдашнему министру народнаго просвѣщенія и президенту Библейскаго общества князю А. Н. Голицыну, въ 1819 году, въ эпоху наиболѣе благоприятную для всякой филантропической дѣятельности въ пользу страждущихъ. «Это было время масонскихъ ложъ, библейскихъ обществъ и ланкастерскихъ школъ; реакція только подготовлялась, но не успѣла еще придать свободное проявленіе общественнымъ силъ и общественной инициативы. Иностранцы и русскіе наперерывъ забрасывали государя и его приближенныхъ различными проектами и записками, въ духѣ филантропіи и мистицизма. Такъ, въ 1817 году пріѣхалъ въ Россію молодой англичанинъ Вальтеръ Веннингъ, большой энтузіастъ и филантропъ; въ сопровожденіи «одного друга человечества барона Фитингофа и доброжелательнаго Поля» ¹⁾ (подлинное выраженіе Вальтера Веннинга) онъ осмотрѣлъ петербургскія тюрьмы и, чрезъ того же князя А. Н. Голицына, представилъ государю проектъ попечительнаго о тюрьмахъ общества и объяснительной записки къ нему. (См. дѣло архива, 1818 г., № 975). Въ 1819 г. квакеры Вильямсъ Алленъ и Стефанъ Грелье, по высочайшему соизволенію, осматривали въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Новгородѣ и Твери различныя благотворительныя учрежденія и тюрьмы и представилъ при этомъ свои замѣчанія относительно предметовъ «требующихъ исправленія». Въ этомъ же году графъ Андрей Дашковъ, познакомившійся съ тюремными учрежденіями за границею и бывший, вѣроятно, подобно многимъ русскимъ того времени, подъ сильнымъ вліяніемъ западно-европейскихъ идей и учрежденій, представилъ при объяснительной запискѣ свой проектъ улучшенія тюремной части въ Россіи, который, по всей вѣроятности, въ скоромъ времени будетъ напечатанъ. Въ дѣлѣ архива подъ заглавіемъ «Разныя представленія гг. членовъ попечительнаго комитета», кромѣ записки Андрея Дашкова, находится еще нѣсколько писемъ и записокъ, имѣвшихъ связь съ тогдашнимъ движеніемъ въ пользу улучшенія участи заключенныхъ въ Россіи; такъ, въ этомъ дѣлѣ помѣщены: 1) письмо къ Борису Ивановичу Фитингофу отъ 15-го февраля 1821 года съ приложеніемъ записки генеральнаго консула нашего въ Филадельфіи Иванова «о тюремной системѣ въ семь краѣ»; 2) письмо графа Залузскаго изъ Берна къ князю Голицыну съ приложеніемъ, по просьбѣ автора, книги Куниингама «Примѣчанія о темницахъ»; 3) особая объяснительная записка на французскомъ языкѣ какого-то неизвѣстнаго автора (фамилію коего нельзя было разобрать) при письмѣ къ князю Голицыну отъ 20-го марта 1821 года; 4) наконецъ, учредитель въ Парижѣ заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ аббатъ Арну, «по поводу русскаго тайнаго совѣтника барона Фитингофа, посѣщавшаго оное заведеніе и изъявившаго желаніе основать подобное же въ Россіи», написалъ государю

¹⁾ Г. фонъ-Поль, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Библейскаго общества; въ послѣдствіи онъ былъ преданъ суду по поводу его дѣятельности въ этомъ обществѣ, а при графѣ Блудовѣ былъ директоромъ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ. (См. А. Н. Пышинъ, Библейское общество. «Вѣстникъ Европы» 1868 г. ноябрь, стр. 265).

письмо съ приложеніемъ рѣчи своей, сказанной «въ присутствіи министровъ и другихъ знатныхъ особъ». Въ этой рѣчи, впрочемъ, говорится больше объ ужасахъ революціи, нежели объ учрежденіяхъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Письмо Арну тоже приложено къ дѣлу.

Записка Андрея Дашкова имѣетъ связь съ филантропическимъ направленіемъ того времени; государь лично былъ заинтересованъ дѣломъ улучшенія участи заключенныхъ и этимъ объясняется та горячая и оживленная дѣятельность по тюремному вопросу, которая характеризуетъ послѣдніе годы царствованія Александра I, съ 1817 года.

Возникновеніе у насъ попечительнаго о тюрьмахъ общества подъ вліяніемъ квакеровъ и по инициативѣ иностранца-филантропа, отношеніе и участіе къ этому дѣлу императора, затѣмъ обстоятельства, сопровождавшія первое время существованія этого общества—фактъ не лишенный интереса для характеристичнаго общественнаго движенія при Александрѣ I. Попечительное о тюрьмахъ общество, какъ по обстоятельствамъ своего возникновенія, такъ и по личному составу ¹⁾ и основной идеѣ, имѣетъ много общаго съ Библейскимъ обществомъ, Императорскимъ Человѣколюбивымъ обществомъ и ланкастерскими школами; между тѣмъ, наши историки, касаясь общественнаго движенія при Александрѣ I, обыкновенно проходятъ молчаніемъ этотъ историческій фактъ, имѣющій непосредственную связь съ филантропическимъ и мистическимъ направленіемъ времени Александра I.

Кіевъ.

Сообщ. съ примѣч. Д. Г. Тальбергъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ числѣ членовъ попечительнаго о тюрьмахъ общества, въ моментъ его возникновенія, были, кромѣ президента Библейскаго общества князя А. Н. Голицына (онъ же президентъ вновь открывшагося общества), были: митрополитъ Михайлъ, архіепископъ Филаретъ и графъ К. А. Ливенъ (оба вице-президенты Библейскаго общества и Императорскаго Человѣколюбиваго общества); пасторы Патерсонъ и Пинкертонъ—агенты Британскаго библейскаго общества, стараніемъ коихъ открыты библейскія общества въ Россіи; Джонъ Веннингъ—членъ Библейскаго общества и одинъ изъ учредителей ланкастерскихъ школъ у насъ; В. М. Поповъ и П. П. Поміонъ-Пезаровіусъ—оба секретари Библейскаго общества; баронъ Б. И. Фитингофъ—братъ известной Крюденеръ, директоръ Библейскаго общества и членъ Импер. Человѣк. общ.; М. Л. Магницкій—вице-президентъ Сибирскаго отдѣленія Библейскаго общества, и др.

Д. Т.